

На правах рукописи

Казанцева Вероника Алексеевна

**ОБРАЗ ЯПОНИИ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елец – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Попова Елена Александровна

Официальные оппоненты: **Харченко Вера Константиновна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(г. Белгород), профессор кафедры русского языка и
русской литературы

Романов Дмитрий Анатольевич,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
(г. Тула), профессор кафедры русского языка и
литературы

Ведущая организация: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

Защита состоится «21» декабря 2021 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина по адресу: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. № 301.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина по адресу: 399740, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28 и на сайте http://www.elsu.ru/nauka/dissovet3/6049-full_diss_03.html.

Автореферат разослан «___» ноября 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.А. Трубицина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной лингвистике активно развивается антропоцентрическое направление, в рамках которого язык изучается в тесной взаимосвязи с этногенезом, обществом, национальной культурой. Язык рассматривается как источник сохраненной и накопленной определенным этническим коллективом информации об особом способе мировоззрения его носителей, своеобразии национально-культурных представлений и образов.

Одним из центральных понятий современной лингвистики является понятие языковой картины мира (ЯКМ). В ней отражены национально детерминированные знания и представления носителей языка об объектах окружающей действительности, которые закреплены в человеческом сознании и в самом языке в виде смысловых образований.

По отношению к ЯКМ эти смысловые образования представляют собой ее отдельные образы, фрагменты. Изучение особенностей мышления и восприятия действительности, сложившихся в этническом коллективе, посредством расшифровки языковых образов как проекции этноментального сознания и фокусирования этнокультурных особенностей заявлено в современной антропологической лингвистике как ее приоритетная задача.

Поскольку любой народ живет в системе координат «свой – чужой», противопоставляя себя другим этносам, важную роль для любой этнической лингвокультурной модели мира играет оппозиционность лингвокультурной пары *свой – чужой*. *Этническое*, или *национальное самосознание*, любого этноса выстраивается на двух составляющих этого феномена: с одной стороны, осознание себя как отдельной самостоятельной нации («МЫ», «СВОИ») и отношение к своему этносу, с другой – понимание наличия других этносов («ОНИ», «ЧУЖИЕ») и отношение к этим этносам. Эти отношения находят свое отражение в языке и могут быть проанализированы как фрагмент языковой картины мира определенной лингвокультурной общности. Жизнь того или иного этноса, «чуждого» носителям определенного языка, зафиксированная в художественных и иных текстах, лексических и фразеологических единицах, чрезвычайно интересна и многообразна. Образ «другого» народа и страны складывается с течением времени, претерпевая влияние многообразных исторических факторов, и порой имеет неоднозначную оценку в различные периоды, что объясняется историей и характером взаимоотношений между нациями. Но так или иначе образ «чуждого» народа запечатлен в языке, который является вербальной проекцией этнического мирозерцания носителей и образует собой *стереотип национального представления о «другом»*, или *этнический стереотип*. Своеобразие *этностереотипов*, зафиксированное в языке, в свою очередь определяет эклектичность и неповторимость мировосприятия и мировоззрения его представителей и позволяет выявить те стороны национального сознания, которые оказываются малодоступны анализу вне кросс-культурных оппозиций. Исследование одного из таких образов – образа *Японии*, его фиксация в языковой картине мира русской лингвокультурной общности находится в центре внимания в данной диссертации.

В качестве **гипотезы исследования** нами выдвинут следующий тезис: анализ языковых данных (материалов лингвистических словарей, текстов русской литературы XIX–XX вв., результатов эксперимента и др.) позволяет реконструировать образ Японии в русской языковой картине мира как крайне обобщенный и мифологизированный, базирующийся на ряде стереотипов: «страна восходящего солнца и сакуры», «страна гейш и самураев», «родина восточных единоборств», «страна рыбы (суши и роллов)», «страна высоких технологий».

Актуальность исследования объясняется тем, что в современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к проблемам языка и этноса, языковой картины мира и отраженной в ней ментальности, национальной специфике различных языков. Кроме того, в современных социокультурных условиях изучение исторического прошлого народа, его духовной культуры через язык, являющийся главным признаком любого этноса, способствует поискам путей сопряжения разных наций в политических, культурологических, дидактических и других целях. Следствием этих исследований в конечном итоге должно стать взаимопонимание народов, потому что каждый из них перестанет быть для другого «terra incognita». В современной филологической науке пока еще не достаточно практик, позволяющих выявить на основе языковых данных стереотипные представления носителей языка о других этносах. Наша работа является первым исследованием, систематизирующим способы языковой репрезентации образа Японии в русской языковой картине мира на основе полученных контекстуальных, экстралингвистических и экспериментальных данных.

Цель настоящей работы – семантическая реконструкция образа Японии и японца как фрагмента русской языковой картины мира на основе обобщения его репрезентаций в современном русском языке с опорой на идеи и методологию современной антропологической лингвистики.

Поставленная цель достигается решением следующих **задач**:

1. Сформулировать главные методологические принципы, проблематику исследования образа Японии в русской языковой картине мира.
2. На основе лексического анализа заимствований из японского языка сформировать лексико-семантические группы, детерминирующие основные черты репрезентации языкового образа Японии в русской языковой картине мира.
3. Проанализировать фразеологизмы русского языка с этнонимическим компонентом *японец* и производными от него *японский (-ая)*.
4. Представить образ Японии на основе экспериментальных исследований.
5. Выявить основные особенности объективации образа Японии в русском языковом сознании на основе анализа художественных и публицистических текстов русской литературы различных периодов. Провести семантический анализ отобранных репрезентативных лексических единиц.
6. Рассмотреть коммуникативное поведение японцев как составной компонент образа Японии в языковом сознании носителей русского языка.
7. Исследовать динамику формирования и изменения образа Японии в русском языке.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые всесторонне исследуется образ Японии как фрагмент языковой картины мира русского народа и русской лингвокультуры в целом.

Объект исследования – лексико-семантические репрезентации образа Японии и японца в русской языковой картине мира, рассмотренные с точки зрения синхронии и диахронии.

Предмет исследования – основные черты языкового отражения образа Японии и японца как стереотипа русского языкового сознания, объективированные в языке (в значениях заимствований из японского языка, фразеологизмах с этнонимическим компонентом *японец*, *японский (-ая)*, текстах русской литературы различных стилей и жанров, экспериментальных данных и др.) в их единстве и взаимодействии с экстралингвистическими факторами.

Личный вклад заключается в отборе материала лексикографических источников, изучении художественных и публицистических произведений, в проведении и оценке результатов лингвистического интервьюирования с целью сбора информации по теме диссертационного исследования, разработке плана исследования и подборе исследовательских методов; в подготовке публикаций и выступлений с целью апробации результатов на научных конференциях как в России, так и за рубежом.

Материалом для исследования послужили лексикографические данные различных словарей (толковых, этимологических, фразеологических, ассоциативных, словарей иностранных слов, субстандартной лексики и др.); тексты русской литературы различных стилей и жанров (произведения художественной литературы XIX–XX веков, дневниковые записи, путевые заметки, песенное творчество советских авторов, поэтические произведения Серебряного века, тексты СМИ (П.И. Мельникова (Андрея Печерского), В.В. Головнина, И.А. Гончарова, А.П. Чехова, святителя Николая Японского, К. Бальмонта, А. Белого, П. Бутурлина, А. Дебуа, В. Ключевой, Л.Н. Андреева, А.И. Куприна, А.С. Новикова-Прибоя, Вс. Овчинникова, Л.Е. Улицкой, Б. Акунина, А. Гениса, П. Вайля и др.); фрагменты «Национального корпуса русского языка»; экспериментальные данные (результаты направленного ассоциативного эксперимента). В тексте диссертации использовано около двух тысяч примеров.

Методологическая база исследования включает следующие методы и приемы:

1) общенаучные методы наблюдения и описания, сущность которых состоит в создании эмпирического базиса как основы для дальнейших обобщений и классификаций;

2) семантико-когнитивный метод, суть которого заключается в семантизации образного содержания лексических единиц в языковом сознании;

3) дискурсивный анализ, заключающийся в выявлении взаимосвязи языковых единиц и стоящих за ними социальных процессов, исследование взаимосвязи языка и социума;

4) лингвокультурологический анализ, заключающийся в системном описании фактов языка и культуры;

5) экспериментальный метод (направленный ассоциативный эксперимент), сущность которого состоит в выявлении вербальных ассоциаций с позиции национально-специфичных культурных особенностей той или иной страны, отношения респондентов к определенной культуре страны через призму национальной языковой картины мира.

Теоретическую основу настоящего исследования составили:

- труды отечественных и зарубежных ученых, отражающие антропоцентрический взгляд на язык и науку о языке: В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, Е.С. Кубряковой, Е.А. Поповой и др.;

- работы лингвистов, касающиеся проблем языковой картины мира, ментальности: В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Л. Вайсгербера, Э. Сепира, В.В. Колесова, Ю.Д. Апресяна, О.А. Корнилова, В.А. Масловой, Н.Ю. Шведовой и др.;

- исследования, в которых рассматриваются вопросы стереотипа и этностереотипа как проблемы лингвистического изучения: У. Липмана, Е. Бартминского, Ю.А. Сорокина, Л.П. Крысина, Г.И. Исиной и др.;

- труды современных лингвистов по проблемам семантической категории чуждости и лингвистической имагологии: А.Б. Пеньковского, А.В. Зеленина, Ю.С. Степанова и др.;

- исследования в области коммуникативного поведения: И.А. Стернина, Ю.Е. Прохорова;

- труды ученых по разработке теории и практики лингвистического эксперимента: А.Н. Леонтьева, Ю.Н. Караулова, И.А. Стернина, О.Е. Виноградовой и др.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что данные, полученные нами, вносят определенный вклад в развитие лингвистики антропоцентризма, в частности такого нового направления современной лингвистики, как лингвистическая имагология, в разработку проблем изучения русской языковой картины мира, ментальности, межкультурной коммуникации.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в практике вузовского преподавания различных лингвистических дисциплин, связанных с проблемами русской языковой картины мира, ментальности, коммуникативного поведения, лингвистической имагологии, межкультурной коммуникации, в руководстве научно-исследовательскими работами студентов и магистрантов. Данные диссертации могут найти применение в лексикографической практике: при составлении лингвокультурологических словарей русского языка. На основе полученных данных могут разрабатываться сценарии общения дипломатов, журналистов-международников и представителей других специальностей с носителями иных языков, в этом случае диалог с представителями той или иной лингвокультуры будет носить более целенаправленный и продуктивный характер.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ и соотнесение данных лексикографических источников, текстов, фразеологических единиц и результатов направленного ассоциативного эксперимента с экстралингвистическими детерминантами позволяет выявить семантически-репрезентативные единицы *образа Японии* в русской языковой картине мира.

2. С помощью лексико-семантического и количественного анализа японизмов установлено стереотипное представление о Японии, сложившееся в русском языковом сознании преимущественно как о **«стране – родине восточных единоборств», «стране рыбы (суши и роллов)», «стране гейш и самураев».**

3. Семантическое наполнение фразеологических единиц с этническим компонентом *японец* и производными от него *японский(-ая)* (*япона мама, японский городской, японский бог, чума японская, японский разведчик, танго японское, грамота японская* и др.) детерминировано событиями Русско-японской войны и созвучием первых звуков представленных этнонимов с рядом табуированных выражений русского языка, отражает сложившееся в русском языковом сознании восприятие Японии как далекого, экзотического мира.

4. Результаты направленного ассоциативного эксперимента и анализ данных «Русского ассоциативного словаря» (2002) служат интерпретации существующего на сегодня образа Японии как стереотипа русского языкового сознания, репрезентованого в следующей лексико-семантической цепочке: **«страна – родина восточных единоборств», «страна рыбы (суши и роллов)», «страна гейш и самураев», «страна высоких технологий и экономического чуда».**

5. Анализ текстов различных стилей и жанров позволил установить лексико-семантические репрезентанты *образа Японии и японца* в русском языковом сознании как *недостижимой, малодоступной страны; чудной, странной, страны-мечты*; данный лексико-семантический ряд может быть дополнен языковыми единицами с отрицательной семантической наполняющей, выражающей презрение к японской нации: *япошки, макаки, мартышки, косоглазые черти* и др.

6. Установленные различия коммуникативного поведения японцев и русских на основе текстового анализа позволяют выявить заложенное в русском коммуникативном сознании негативное восприятие таких особенностей коммуникации японцев, как церемонность и излишняя нормированность, формализм и сдержанность эмоций, стремление к компромиссу в решении спорных вопросов и медленный темп переговоров.

Апробация работы осуществлялась в виде докладов на научных конференциях различного уровня: X Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские чтения “Любовью и единением спасемся”» (г. Липецк – Задонск, ЛГПУ, 2014 г.), XI Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские чтения “...Где дух Господень, там и свобода”» (г. Липецк – Задонск, ЛГПУ, ноябрь, 2015 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Малая родина – большая литература: проблемы развития современной филологии»

(Липецк, ЛИРО, апрель 2015 г.), Всероссийской научной конференции «Первые Щеулинские чтения» (Липецк, ЛГПУ, март 2016 г.), Всероссийской научной конференции XV «Барышниковские чтения «Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ноябрь 2016 г.), «XII Региональной конференции российских соотечественников стран Азиатско-Тихоокеанского региона» и проводимой в ее рамках тематической конференции «Положение русского языка в странах АТР» (Япония, Осака, май 2018 г.), XIV Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения “Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон – Валаам – Задонск – Оптина Пустынь – Соловки)”» (г. Липецк – Задонск, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, май 2018 г.), IX Международной научно-практической конференции «Запад и Восток в диалоге культур» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, апрель 2019 г.), XVI Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения “Хотят ли русские войны?”» (г. Липецк – Задонск, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ноябрь 2020 г.), X Международной научно-практической конференции «Запад и Восток в диалоге культур» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, апрель 2021 г.), Всероссийской конференции – XVI Барышниковские чтения «“Война и мир” Л.Н. Толстого: духовные константы и социальные переменные» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, октябрь 2019 г.), региональной школы молодых ученых по филологическим наукам «Philologos» (Елец, ЕГУ им. И.А. Бунина, май 2016 г.), Пятой региональной конференции студентов и школьников «Россия и Европа: диалог культур» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, декабрь 2017 г.), научно-практических конференциях студентов, аспирантов и соискателей ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, 2013–2019 гг.). По теме диссертации опубликовано 12 работ, четыре из которых опубликованы в изданиях, включенных в перечень ВАК.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и списка источников. Текст изложен на 161 страницах рукописи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность проведенного исследования, формулируется цель работы и очерчивается круг сопутствующих задач, характеризуется база языкового материала, оценивается научная новизна и личный вклад автора в изучаемую проблему, теоретическая и практическая значимость диссертации, определяется объект и предмет исследования, раскрываются особенности методологии исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе «Теоретические основы изучения проблем формирования образа *другого этноса* как стереотипа языкового сознания в контексте русской языковой картины мира» рассматривается проблематика современной

антропологической лингвистики, освещаются проблемы изучения языковой картины мира и ментальности в трудах зарубежных и отечественных ученых-лингвистов, характеризуются современные направления лингвистики в изучении взаимосвязи языка и ментальности. Здесь же рассматривается новое лингвистическое направление – лингвоимагология и лингвотипические структуры: *стереотип*, *имидж* и *образ*. Отдельное внимание уделено изучению этностереотипов в контексте языковой картины мира.

Антропологическая лингвистика XXI века рассматривает язык как отражение сознания и менталитета народа, его практической и духовной жизнедеятельности, культуры и мировоззрения. Человек как субъект действующий, изучающий и концептуализирующий действительность, владеющий языковой системой, которая функционирует в качестве надличностного инструмента, является носителем общественных норм, зафиксированных в виде устойчивых (с семантической или формальной точки зрения) языковых конструкций, каковыми являются константно-закрепленные стереотипные речевые представления (образы), формирующие некую стабильную языковую картину мира отражения объективной действительности.

Еще со времен первобытно-общинного строя людям было свойственно более высоко ценить «свое» и ниже, чем оно того заслуживает, «чужое». Оппозиция «свой – чужой» пронизывает всю культуру и является отправной точкой в оценочной системе и мировосприятии всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. Образ «чужого» или *этнический стереотип* является составным компонентом *национального сознания*, находит фиксацию и проявляется в языке. В специфике, несхожести национальных характеров различных этнических общностей заключается одна из основных причин появления *этнических стереотипов*. Категориальная модель, представляющая собою фрагмент образа мира в сознании определенной лингвокультурной общности – бинарная оппозиция «свой – чужой», – положена в основу такого нового направления в лингвистике, как *лингвистическая имагология*. Образ «чужого» или этнический стереотип изучается в лингвистической имагологии как составной компонент *национального сознания*, т.е. как устойчивое, эмоционально-насыщенное, обобщенно-образное представление о «чужом», сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде и закрепленное в литературном творчестве, изобразительном искусстве, в СМИ, Интернете и т.п. Имагология не только раскрывает образ «чужого», но и в связи с процессами рецепции и оценки характеризует и сам воспринимающий субъект, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей.

Вторая глава «Образ Японии в языковом сознании носителей русского языка» посвящена анализу языковых данных, таких как: японские заимствования и фразеологизмы с этнонимическим компонентом *японец* и его производными *японский(-ая)*, на основе которого выявляются основные черты образа *Японии* в русской языковой картине мира. В нее также включен анализ «Русского ассоциативного словаря» и данных, полученных в результате проведенного нами

направленного ассоциативного эксперимента на слова-стимулы *Япония, японский, японец*.

Анализ японских заимствований, сферы их употребления, характер их семантической, фонетической, графической, грамматической освоенности, а также их незначительный количественный состав в русском языке (относительно заимствований из английского, французского, немецкого, греческого, латинского языков) позволяет сделать выводы о том, что в языковом сознании носителей русского языка образ Японии объективирован главным образом лексемами из узкоспециальных сфер жизни общества, о чем свидетельствуют сформированные нами лексико-семантические группы (ЛСГ) японизмов: **«боевые искусства»** (*айкидоист, дзюдо, карате (каратэ), ката, кобудо, кекушинкай, кю, нунчаки, татами*); **«культура и искусство Японии»** (*бонсай, гейша, го, икебана, кабуки, кимоно, сакура, синтоизм, сямисэн*); **«кулинария»** (*иваси, васаби, сашими, суши (суси), ролл, суши-бар, суши-мен, суши-роллы (суши-роллс), хаси*); **«экономика и денежные единицы»** (*иена, дзайбацу*); **«рыбный промысел»** *кавасаки*, **«военные и общественные явления Японии»** (*банзай, камикадзе, микадо, ниндзя, самурай, харакири*).

Самыми многочисленными по своему составу и продуктивности употребления в русском языке стали ЛСГ и входящие в их состав языковые единицы **«боевые искусства»** и **«культура Японии»**. Лексемы *карате (каратэ)* и *дзюдо* нашли фиксацию в большинстве лингвистических словарей русского языка, у них есть производные, и с их значением знакомы практически все носители русского языка, так как эти виды спорта имеют широкое распространение в России. Эти наименования часто употребляются в средствах массовой информации, поэтому представление о *карате (каратэ)* и *дзюдо* имеет практически каждый носитель русского языка. Лексико-семантическая группа **«культура Японии»** объединяет языковые единицы, обозначающие своеобразные японские явления культуры и быта. В эту лексико-семантическую группу входят такие широко известные носителям русского языка символы Японии, как: *сакура, синтоизм, икебана, бонсай* и др. Некоторые из них на почве аналогий со свойствами японских явлений, для обозначения которых в русской действительности они были заимствованы из японского языка, стали служить номинациями для предметов жизни и быта российской действительности. Первоначальное значение слова *кимоно* – «национальная японская одежда (мужская и женская) в виде халата с широкими рукавами» [Крысин 1998, с. 321] – в ходе употребления в русском языке приобрело еще два дополнительных значения. «Словарь русского языка» в 4-х томах под редакцией А.П. Евгеньевой зафиксировал дополнительное значение лексемы *кимоно* – «Разг. и спец. Особый покрой рукава женского платья» [Словарь русского языка 1999, т. 2, с. 48]. Лексема *кимоно* используется также в номинации одежды для занятий восточными единоборствами, таких как айкидо, дзюдо, карате и др.: «*Ей так нравились занятия, что она даже дома тренировалась не в обычной спортивной одежде, а в кимоно*» (Александра Маринина. «Последний рассвет»). В японском же языке одежда, предназначенная для тренировок и соревнований, называется *кейкоги* («тренировочный костюм») или *доги*. Данные заимствования известны в

узкой сфере профессионалов, занимающихся боевыми искусствами, а среди любителей ошибочно употребляется слово «кимono». Это значение слова «кимono» пока не зафиксировано словарями. Лексема *гейша*, помимо своего прямого значения, обрела новое, дополнительное значение на основе внешнего сходства с одеждой, которую носит гейша (т.е. *кимono*), стала наименованием «рода широкой женской одежды (устар.)» [Толковый словарь русского языка 1996, т. 1, стб. 547].

В последнее время можно говорить о распространении в России японских кулинарных традиций и связанном с этим процессом проникновении в русский язык японских кулинарных терминов, таких как: *суши(суси)*, *сакэ*, *васаби*, *якитори* и т.п. Существующий интерес к блюдам японской кухни не ограничен составом употребляемых в пищу продуктов, он расширяется и до специфических атрибутов, используемых для приема пищи. Об этом свидетельствует процесс заимствования языковых единиц в этой сфере. В «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева зафиксирована лексема *хаси* («В Китае, Японии, странах Юго-Восточной Азии: палочки для приема пищи, заменяющие вилку. В китайском варианте – куайцзы») [Комлев 1999, с. 396].

Интересны и другие случаи развития переносных значений японизмов в процессе их употребления носителями русского языка. Лексема *иваси* в достаточной степени освоена русским языком (толкование ее значения зафиксировано в ряде толковых словарей русского языка, например, в «Толковом словаре русского языка» в 4-х т. под ред. Д.Н. Ушакова, в «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т.Ф. Ефремовой, у лексемы *иваси* есть производное *ивасевый*) и получила широкое распространение как название сорта не крупной дальневосточной сельди (иначе называемой *дальневосточная сардина*). Почему именно японское название данного сорта рыбы получило широкое распространение в русском языке, точно сказать невозможно. Но можно предположить, что русское название «дальневосточная сардина» было вытеснено заимствованием *иваси* под воздействием тенденции (закона) экономии языковых средств. Данная лексема функционирует в современном русском языке и для обозначения явлений, не связанных с ее прямым значением. Например: «Ее бывший напарник по дуэту “Академия” Александр Цекало стал исполнительным продюсером “Норд-оста”. *Музыку к “Норд-осту” написали Иващенко и Васильев (дуэт “Иваси”)*, а аранжировал – клавишник “Несчастливого случая” Сергей Чекрыжов» (Алексей Мунипов. Шумный балаган. Краткие итоги музыкального сезона // Известия. 15.07.2002). Лексема *ниндзя* в современном русском языке часто используется в переносном значении – в качестве номинации по отношению к человеку, который обладает такими качествами, как ловкость, способность незаметно проникать в труднодоступные места и выполнять сложные задания. Чаще употребление данной лексемы можно встретить с оттенком иронии. Например: «Г.К. Жуков вспоминал, как на реке Халхин-Гол сдались без боя натасканные японские диверсанты (чуть ли не ниндзя), не выдержавшие во время засады в камышах комариных “атак”» (В горах – без снаряжения и спецподготовки... (2004) // Солдат удачи. 06.10.2004). История заимствования междометия *банзай*

(«*междом.* (<яп. ban zai десять тысяч – из формулы приветствия, обращенного к японскому императору и означавшего «живите десять тысяч лет!») Да здравствует! Ура!» [Крысин 1998, с. 102]) связана с периодом военно-политического конфликта между Россией и Японией – Русско-японской войной, но на современном этапе своего функционирования в русском языке это слово практически исчерпало негативный заряд периода военных конфликтов. В обыденной жизни носителей русского языка лексема *банзай* встречается в названиях ресторанов японской кухни: «СУШИ-БАР БАНЗАЙ», ресторан «Банзай» в Москве и т.д.; как интернет-прозвища «Дед Банзай»; как название футбольного клуба «Банзай» и пр. В ряде случаев употребления в коннотации этой лексемы можно обнаружить такие компоненты, как ирония или саркастическое отношение к объекту номинации, например в следующем выражении: «Суши из кролика – только в ресторане “Дед Банзай”». Надо отметить, что в употреблении носителей русского языка отсутствуют прямые связи с лексическим значением данной языковой единицы – ввиду этого возможен переход из одной морфологической категории русского языка в другую (из разряда междометия в разряд существительных). В текстах современных литературных произведений также можно проследить тенденцию к утрате связи лексического содержания языковой единицы *банзай* и ее употреблению в качестве символа Японии.

Изменения в семантике претерпевают заимствованные в период русско-японских конфликтов лексемы *самурай* и *камикадзе*. Помимо прямого значения сословной принадлежности («САМУРАЙ, я, м. [японск. samurai – стражник, рыцарь]. Член привилегированной феодальной военной касты Японии (истор.)» [Толковый словарь русского языка 1996, т. 4, стб. 45]), за время двух войн между Россией и Японией лексема *самурай(и)* приобрела новое, дополнительное уже к имеющемуся («военное сословие японских дворян») значение – «японская военщина», содержащее несколько элементов коннотации: эмоциональность (пренебрежительный, презрительный компонент значения), отрицательную оценочность, сниженную стилистическую окраску. В современном употреблении лексемы *самурай* ее негативный заряд заметно ослабел, данная лексема функционирует в русском языке в качестве этнической номинации, т.е. для именованя представителей японской нации: «*Остров стартапствующих самураев: Волна молодых предпринимателей занимает все “Старбаксы” Японии*».

Японизм *камикадзе* вошел в употребление носителей русского языка во второй половине XX века, он использовался для обозначения японских пилотов-смертников, появившихся на заключительном этапе войны на Тихом океане. Лексема *камикадзе* имеет распространенное в современном употреблении носителей русского языка значение «безрассудный смельчак, жертвующий собой» [Крысин 1998, с. 297]. Лексема была заимствована в двух значениях, но постепенно первое утратило свою актуальность, и на данный момент второе стало более употребительным. Второе значение зафиксировано в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под редакцией Г.Н. Складневской: «**Камикадзе**, неск., м. [япон.] *Перен. Публ.* Тот,

кто приносит себя в жертву кому-, чему-л, заложник обстоятельств» [Толковый ... 2001, с. 324]. «*Маринка лихо, как **камикадзе**, гоняла на своей “восьмерке”, держала дома несметное количество зверей, дымила как паровоз и была при этом очень толковым врачом*» (Алексей Моторов. «Преступление доктора Паровозова»).

Фразеологизмы с этническим компонентом *японец* и производными от него *японский (-ая)*, такие как *япона мама (мать)*, *японский бог*, *японский городской* и др., представлены в словарях субстандартной лексики русского языка, главным образом, как выражения и восклицания междометного характера, эвфемизмы. Например, в «Словаре эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной зафиксирован фразеологизм *япона мама*: «**Япона мама** – вместо грубого ругательства. Эвфемизм возник на основе звукового сходства. Простор. ирон., в литературной речи – дезвф.» [Сеничкина 2008, с. 457]. В «Толковом словаре русского сленга» В.С. Елистратова есть фразеологизм *япона мать*, имеющий междометный характер [см. Елистратов 2010]. Причиной их возникновения стала, по-видимому, Русско-японская война 1904–1905 годов. В период Русско-японской войны в тылу активно шел процесс синтеза идей, которые были направлены на четкое формирование образа врага, причем в первую очередь в «народной» аудитории, поскольку именно из нее по большей части мобилизовались солдаты. Очевидно, что фразеологический состав русского языка, компонентом которого являются рассматриваемые фраземы, запечатлел негативный заряд войны в семантике данных языковых единиц.

В художественных произведениях и разговорной речи восклицания подобного рода чаще произносятся в ироническом контексте: «*Все, самурай, мы расстаемся. Катитесь к вашей **японской матери***» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»). Употребление компонента *мать* в составе коммуникатива объясняется при сопоставлении данного выражения с этнокультурными единицами *мать честная*, *показать кому-либо кузькину мать*, *узнать кузькину мать*, *вашу мать*, *мать вашу за ногу* и др.

Толкование устойчивых выражений *японский бог* и *японский городской* находим в «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. В толкованиях, которые дают авторы выражению «Японский бог!» («**Японский бог!** Жарг. мол. 1. Выражение досады, раздражения, негодования. 2. Выражение восторга, восхищения» [Мокиенко 2008, с. 47]), содержатся все элементы коннотации, такие как эмоциональность, экспрессивность, оценочность (в 1-м значении – отрицательная, во 2-м – положительная), стилистическая окраска, национально-культурный компонент]. Выражение «Японский городской!» авторы относят к жаргонным, бранным эвфемизмам («Жарг. мол. Бран. эвфем. Восклицание, выражающее досаду, раздражение, негодование» [Мокиенко 2008, с. 156]). В «Толковом словаре русского сленга» В.С. Елистратова этот фразеологизм представлен вариативно: «**Японский бог! (или городской!)** – употребляется как восклицание для выражения любой эмоции» [Елистратов 2010, с. 495]. Это восклицание аналогично *япона мама (мать)* является эвфемизмом.

Этнонимический компонент *японец* встречается и в других фраземах русского языка. В «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной имеется жаргонное выражение *На японце майку съем!*: «Жарг. мол. Клятва в истинности сказанного, в нерушимости данного слова» [Мокиенко 2008, с. 774]. На возникновение этого выражения оказал влияние экзотический смысловой оттенок, имеющийся для русского языкового сознания в этнониме *японец*.

В «Словаре тысячелетнего русского арго» М.А. Грачева зафиксированы жаргонные фразеологизмы *танго японское* («название карточной игры») [Грачев 2003, с. 894], *грамота японская* («тайнопись преступников» [Там же, с. 213]). Включение слова *японская* в состав последнего фразеологизма можно объяснить непонятностью японского письма для русских.

Таким образом, на наш взгляд, причиной появления данных эвфемизмов стало стечение двух факторов: такого исторического события, как Русско-японская война 1904–1905 гг. с сопутствующим развитием негативных настроений по отношению к японской нации, и созвучие первых звуков представленных этнонимов, которые по случайности в русском языке созвучны начальным звукам ряда табуированных выражений.

Лексемы, составляющие ассоциативное поле стимула *Япония* в «Русском ассоциативном словаре», условно можно разделить на две группы: ассоциации, связанные в сознании носителя русского языка с положительным восприятием этой страны, и прямо противоположные ассоциации, заключающие в себе негативное отношение русских к Японии.

В ассоциативном поле лексемы *Япония* нами была выделена целая группа реакций, среди которых можно обозначить экзотизмы и слова-реакции, обусловленные тем фактом, что в русской культуре и литературе существует художественное восприятие этой страны, основанное на поэтизации как образа в целом, так и отдельных мотивов, связанных с Японией: *солнце, кимоно, самурай, страна восходящего солнца, восходящее солнце*, словосочетание *в средние века, далекая, красивая, самурай*; а в ассоциативном поле лексемы *японский* такие реакции, как: *дзен-буддизм, сакура, принц* [Русский ассоциативный словарь 2002, т. 1, с. 779]. Большая часть выделенных нами слов, обозначающих реалии из жизни японцев, вошла в лексикон русского человека в начале XX века.

В сознании русского человека Япония непременно отождествляется с солнцем – это Страна восходящего солнца. Прямым тому подтверждением служит большое количество ассоциации со словом *солнце* на слово-стимул *Япония*. Кроме того, реакции *солнце, страна восходящего солнца, восходящее солнце* – это реакции, которые находятся в ядре ассоциативного поля лексемы, а значит, в сознании представителя русской лингвокультурной общности имеют значительный вес в истолковании «обертонов» образа Японии.

Самой массивной по количеству лексем, содержащихся в вербально-ассоциативной сети стимулов *Япония* и *японский*, является группа ассоциаций, основанных на представлениях носителей русского языка о Японии как о высоко технологически развитой стране. Сюда входят следующие слова-реакции из ассоциативного поля лексемы *Япония*: *техника, электроника, качество, класс*,

компьютерный век, магнитофон, машины, техника, организация, развитая, современная, телевизор, умная, умные, ЭВМ, Japan, Sony; из ассоциативного поля лексемы японский: *магнитофон, телевизор, видеоманитофон, компьютер, мотоцикл, аппаратура, вещь, видак, Шарп*.

К 80-90-м годам прошлого века Япония сумела прочно закрепиться на втором месте по экономическому развитию в мире, уступая только США. Этому во многом способствовало японское «экономическое чудо», благодаря которому экономика Японии стала одной из лидирующих в мире и продолжает оставаться таковой на современном этапе развития.

В ассоциативном ряду лексемы японский встречаются реакции *зонтик* и *зонт*. Эти лексемы связаны в лингвокультурном сознании русского человека с тем, что в Советском Союзе примерно в 70-80-е годы XX века были невероятно популярны зонты японской фирмы «Три слона».

Совсем иного толка смысловой ряд образуют следующие ассоциации: *узкоглазый, косые глаза, люди маленького роста с узким размером глаз, маленький, глаза, узкие глаза, узкоглазые*. Все они обладают отрицательной коннотативной окраской, в них выражено пренебрежительное отношение носителей русского языка к Японии и представителям японского этноса в целом. Такие черты азиатской внешности, как узкий разрез глаз и невысокий рост, всегда воспринимались представителями европейских наций, в том числе и русской, как нечто такое, что заведомо ставит азиатов на ступень ниже европейцев. Приемы, целью которых является выработка и культивирование презрения к представителям «другого» народа, обычно применяются в период информационных и иного рода войн с целью утверждения морального превосходства над противником. В основе создания такого отрицательного образа страны или народа, как правило, лежит уже имеющийся стереотип восприятия той или иной нации. В данном случае ряд лексем ассоциативного поля слов-стимулов *Япония* и *японский* содержат в основе своего появления стереотипизированные элементы в оценке и восприятии русского человека представителей японской нации. Они, по всей видимости, перекочевали в сознание современных русских из периодов, когда в отношениях между Россией и Японией наблюдалось недопонимание (периоды вооруженных конфликтов между Россией и Японией). Но заметим, что и для сознания современного русского человека данные стереотипные черты в восприятии японцев не потеряли своей актуальности, так как лексема *узкоглазый* находится в ядре ассоциативного поля стимула *Япония*. Она присутствует и в ассоциативном поле лексем *японский*, хотя и не входит в число ядерных реакций.

В представленной ассоциативно-вербальной сети понятия *японский* обращают на себя внимание лексем *бог, городской* и выражение *твой городской*. Очевидно, что в ассоциативном ряду и в русском языковом сознании наличие этих лексем можно связать с устойчивыми фразеологическими выражениями *японский городской* и *японский бог*, которые активно функционируют в современном русском языке.

Состав ассоциативного поля слов-стимулов *Япония* и *японский* говорит о том, что образ Японии в сознании носителя русского языка репрезентируется

несколькими ЛСГ, среди которых можно отметить самую многочисленную группу ассоциаций, основанных на представлениях русских о Японии как о высоко технологически развитой стране. Это новый компонент образа Японии, объяснить наличие которого позволяет экстралингвистический контекст: развитие в стране производства, японское «экономическое чудо».

Результаты направленного ассоциативного эксперимента, целью которого было исследовать психолингвистическое значение лексем *Япония* и *японец* как элементов языкового сознания носителей русского языка (в качестве респондентов выступали студенты Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского и Липецкого государственного технического университета в количестве 180 человек), позволило выявить три компонента, составляющие семантическую реализацию образа в русском языковом сознании.

На первое место в количественном соотношении вышли ассоциаций со значением, актуализирующим в языковом сознании современного носителя русского языка образ Японии как экзотической страны со своеобразной культурой и необычной природой. К компонентам данного семантического ряда относятся такие слова-реакции, как: *цветущая, красивая, солнечная* (ядерные реакции); *сакура, загадочная, розовая, далекая, красочная, яркая, культурная, традиционная, утонченная, изящная, восходящее солнце, самобытная, боевые искусства, суши, страна роллов и суши, разная*.

Мы наблюдаем значительный перевес количества реакций первой группы (среди 47 реакций на них приходится 19, три из которых являются ядерными). На первый план в восприятии Японии в языковом сознании современного носителя русского языка выступают реакции *цветущая, красивая, солнечная*. Реакция *цветущая* образует с другой реакцией ассоциативного ряда ассоциативную пару *цветущая сакура*. Этот ряд можно продолжить дополняющими его реакциями – *розовая, красочная, яркая*. Все они позволяют в сознании носителя языка визуализировать образ этой страны, воссоздавая картину розового, красочного, яркого, цветущего дерева сакуры (японской вишни), так разнообразно представленного в русской поэзии Серебряного века и по сей день остающейся визитной карточкой Японии не только в России, но и во всем мире. Не случайно книга журналиста-международника, писателя-публициста В.В. Овчинникова о Японии носит название «Ветка сакуры». См. также толкование слова *сакура* в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина: «САКУРА [яп. sakura]. Японское вишневое дерево (часто служит символом Японии)» [Крысин 1998, с. 621].

Реакции более общего характера *красивая, утонченная, изящная* также могут стать продолжением и дополнением к уже выделенным, но могут трактоваться и в более широком смысле, характеризуя восприятие культуры Японии в целом представителями русской лингвокультурной общности.

Особый интерес у нас вызвали следующие реакции: *культурная, традиционная, самобытная, боевые искусства, суши, страна роллов и суши*. Возникший в последнее десятилетие возрастающий интерес к этой стране привел к проникновению японских реалий в жизнь россиян. Лексический состав

русского языка начал пополняться новыми словами, которые были заимствованы из японского языка для обозначения явлений японской культуры. Особенно активно осваивались такие сферы, как спорт и кулинария. Например, такие реакции из ассоциативного ряда слова-стимула *Япония*, как *суши и роллы*, используются в речи носителя русского языка в качестве наименований традиционных блюд японской кухни. Их активное употребление в современной разговорной речи носителей русского языка отмечено и авторами словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» [2009–2014]. Стереотип восприятия Японии как **«страны суши и роллов»** связан с распространением в России блюд японской национальной кухни, основным ингредиентом которой является рыба и блюда, приготовленные из нее – *суши* и *роллы*. Япония известна своими боевыми искусствами, поэтому ее образ в языковом сознании носителей русского языка, как показал направленный ассоциативный эксперимент, формируется и ассоциациями данного ряда явлений. Об этом свидетельствует наличие ассоциативной пары *боевые искусства*. Лексемы *культурная, традиционная, самобытная* в сформированном нами ассоциативном ряду стимула *Япония* имеют более общий смысловой фон, однако их наличие подкрепляет уже обоснованный нами тезис о важной составляющей стереотипного представления о Японии в русском языковом сознании – традиционализм и самобытность культуры Страны восходящего солнца.

Вторая семантически самостоятельная группа – группа реакций, актуализирующая значение слова *Япония* как страны с высоким уровнем технического прогресса и, как следствие, высоким уровнем жизни. К реакциям этой группы относятся лексемы *сверхсовременная, высокотехнологичная, инновационная, продвинутая, прогрессивная, технологичная, высокоразвитая, самая прогрессивная, модернизированная, а также богатая, многолюдная, современная, интересная, чистая, передовая*. Эта группа реакций обусловлена стереотипом, сложившимся в русском лингвокультурном сознании в конце XX века, когда Япония встала в один ряд с высокоразвитыми индустриальными мировыми державами. Высокие технологии из жизни японцев и по сей день вызывают восхищение и, как следствие, положительные эмоции у русского человека. Реакции этого ассоциативного ряда могут объяснить представление русского человека о Японии как о стране с высокоразвитыми технологиями, прогрессивной и инновационной, с высоким уровнем жизни, с современными городами-мегаполисами, чистой и передовой.

Третью немногочисленную группу реакций мы выделили на основе еще одной, хотя и в меньшей степени, чем несколько десятилетий назад, но сохранившей свою актуальность семантической составляющей лексемы *Япония* – опасности, исходящая от восточного соседа. Она была выделена нами в таких реакциях, как *обособленная, опасная, однонациональная, островная*.

В языковом сознании носителей русского языка Япония предстает необычной, загадочной страной. Наличие таких реакций, как *загадочная и разная*, объясняет сложившийся стереотип страны традиционной, где

соблюдаются многовековые обычаи. И в то же время Япония – это страна с передовыми технологиями и высоким уровнем научно-технического прогресса.

Анализ ассоциатов позволяет распределить их на мелиоративные (положительно-оценочные) и пейоративные (отрицательно-оценочные).

Большинство ассоциатов принадлежит к числу мелиоративных: *цветущая* 28, *развитая* 17, *высокотехнологичная* 17, *красивая* 17, *солнечная* 16, *богатая* 15, *инновационная* 10, *продвинутая* 10, *загадочная* 7, *традиционная* 7, *розовая* 7, *прогрессивная* 6, *красочная* 6, *культурная* 5, *яркая* 5, *технологичная* 4, *боевые искусства* 4, *высокоразвитая* 4, *процветающая* 4, *многолюдная* 3, *современная* 2, *самая прогрессивная* 2, *красочная* 2, *высокоразвитая* 2, *модернизированная* 2, *интересная* 2, *развивающаяся* 2, *утонченная* 2, *изящная* 2, *чистая* 2, *большая* 2, *передовая* 2, *восходящее солнце* 2, *самобытная* 2, *разная* 2.

Пейоративность ассоциаций очень низкая: в список пейоративных ассоциаций однозначно входит только реакция *опасная* (2).

Есть ассоциации, мелиоративность или пейоративность которых вне контекста неясна: *маленькая* 17, *обособленная* 10, *далекая* 6, *вулканическая* 2, *однонациональная* 2, *островная* 2.

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу о том, что потенциальная скрытая оценочность слова-стимула *Япония* будет проявляться в контекстах как положительная с наибольшей степенью вероятности.

Третья глава «Лексико-семантическая репрезентация образа Японии как объективация стереотипов сознания русского народа и их отражение в текстах различных литературных направлений и жанров» посвящена исследованию особенностей репрезентации образа *Японии* и *японца* в художественных и публицистических текстах русской литературы разных периодов. В данной главе рассматривается также коммуникативное поведение японцев как составной компонент образа *Японии* в языковом сознании носителей русского языка.

Важным этапом формирования коллективного образа Японии, а также японца в русском языковом сознании стала совокупность неязыковых факторов (с одной стороны, исторически сложившаяся изоляция Японии от других стран, а с другой – крайне низкая заинтересованность России в расширении отношений с восточным соседом), в связи с которыми на протяжении долгого времени Япония оставалась для России далекой экзотической страной, реально знакомой только узкому кругу специалистов из числа дипломатов, ученых или путешественников. Большинство жителей России не имело представления об этом государстве и довольствовалось лишь слухами и домыслами о нем. Следствием этого стало воплощение в образе Японии утопической мечты о «земле обетованной». В русской литературе XVIII века мы можем встретиться с описаниями, в которых рассказывается о путешествии в «Беловодское царство». Сказочное Беловодье народное воображение поместило на самый край земли за море, на далекие Японские острова.

Легенда о Беловодье как о месте, где царит «древнее благочестие», появилась в среде старообрядцев. В XVIII в. было написано сообщение инок Марка из Топозерской обители (Архангельской губернии), якобы побывавшего в «Опоньском царстве», расположенном на семидесяти больших островах «моря-

океана Беловодья». Смутность сведений о Японии того времени проявляется хотя бы в том, что Марк приписывает ее жителям христианство, «ассирийский язык», находит там сорок российских церквей «древлего благочестия»; русские люди, по его словам, добрались сюда с Соловков через Северный Ледовитый океан. Жизнь в Беловодье ведется праведная, без преступлений, и «светского суда в том Опонском государстве они не имеют, всеми людьми управляют духовные власти» [Чистов 1962, с. 127]. Из описания в романе П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах», посвященном жизни староверов Заволжья, *Беловодское царство* предстает как загадочное, наполненное тайной явление: «*То государство не простое, не у всех на виду. Государство сокровенное...*» (П.И. Мельников (Андрей Печерский). «В лесах»).

Позднее первые русские – В.М. Головнин («Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1831 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и его народе») и И.А. Гончаров («Фрегат “Паллада”»), которым выпала возможность лично посетить Японию и познакомиться с ее культурой, обычаями и традициями, – также отмечали ее особенное, отличное от европейского устройство. Так, рассказывая о Японии, Гончаров использует метафорический образ запертого ларца с потерянным ключом и эпитет *странная*: «*Вот достигается, наконец, цель десятимесячного плавания, трудов. Вот этот запертый ларец, с потерянным ключом, <...> Странная, занимательная пока своею неизвестностью земля <...>*» (И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»).

В «Дневниках» святого Николая Японского художественной репрезентацией *Японии* становится образ *невесты*. В его произведениях Япония предстает как страна чудесная, загадочная и необычная для русского человека. Такого рода характеристики связаны, прежде всего, с проповедническими ожиданиями святителя Николая и оправданы малой изученностью, неизвестностью истинных порядков в стране, особенностями народа, населяющего ее.

Неповторимость и особенный колорит японской действительности мастерски воссоздан в произведениях поэтов Серебряного века русской литературы. Есть такое понятие – русский японизм, то есть увлечение Японией, через него прошли Николай Рерих и Мстислав Добужинский, Константин Бальмонт и Андрей Белый, а также многие другие деятели искусства. На русских художников и писателей Япония воздействовала почти исключительно опосредованно – через Европу. Экзотический образ Японии, существовавший тогда в Европе и нашедший свое отражение в первом произведении о Японии «Госпожа Хризантема» (1887) Пьера Лоти, был привнесен в русскую культуру. Недолгое время прожив в Японии Лоти создал роман, основой которого стали его личные впечатления и восприятие Японии. По замечанию В. Молодякова, «Лоти находился просто в “идеальных” обстоятельствах, чтобы не увидеть “настоящей” Японии. Нагасаки, причем квартал прилежащий к порту и обжитой европейцами, для него – вся Япония, *чайный домик* – вся японская жизнь, *девушка-“мусмэ”* – все японки (а может, и все японцы как нация) <...>» [Молодяков 1996, с. 41]. Уклад и традиции японского народа в поэзии символистов и футуристов были

воссозданы по аналогии с европейской традицией – через образы природы, японских женщин, самураев и храмов Японии. В его лексической репрезентации участвуют *номинации природных явлений, образы живой и неживой природы: вишня, солнце, цапли, храмы, бамбуковые рожи, море, месяц, горы, жемчуг, ирис, чайные дома, хризантемы, цветущие сливы, журавли и др.; японизмы (экзотизмы, варваризмы, топонимы и др.) самурай, гейша, кимоно, майко, сямисен, оби, бонса, гонг, Ниппон, Нихон, Фуджи-Яма, нипонская княжна, Камакура, Будда, Хаконе, и др.*

Япония и на сегодняшний день продолжает оставаться для русских экзотической, таинственной страной, но наравне с этим восприятием у носителей русского языка появляются новые черты, наблюдается двойственность: парадоксальное сочетание экзотической культуры Японии и ее новой репрезентации как современной высоко технологически развитой страны: «<...> *турист рассчитывает, что ее новые черты окажутся лишь парадоксальными добавлениями к чертам традиционным, что самые крупные в мире танкеры и самые умные в мире компьютеры, и самые быстрые поезда будут лишь контрастной ретушью на портрете экзотически живописной страны с ее женщинами в кимоно и древними храмами среди прихотливо изогнутых сосен.* <...> *Такая «японская Япония», почти не подверженная переменам, присутствует везде и во всем».* (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры») В рассказе Л.Е. Улицкой «Кимоно» восприятие Японии, японцев, японских продуктов питания и ее народа рисуется непонятным и даже странным, вызывающим порой такие противоречивые реакции, как удивление, неприятие и одновременно восхищение, сопровождается эпитетами: *чуждая, непонятная* (страна), *бесподобный* (безумец), *безумные* (слависты), *особенные* (женщины), *невиданные* (овощи), *странные* (фрукты). Современные авторы используют экзотизмы для создания более колоритной атмосферы и более четкой передачи культурных особенностей, но теперь эти лексемы дополнены и номинациями технических средств Японии, создают ее технократический облик в сознании русского народа. В современной литературе в репрезентации образа Японии используется прием антитезы, противопоставляются образы традиционной культуры Японии и образы современной жизни страны. Например: *экспресс «Нодзоми» в сопоставлении с древними картинами живописца Хиросиге; сад камней и экономическое устройство Японии; гейша, садящаяся в такси; Золотой Павильон, Серебряный Павильон, Храм Тысячи Будд и еще кое-что по списку в режиме «фаст фуд»* и др. Вследствие этого в сознании носителя русского языка возникает парадоксальное восприятие жизни Японии. В современной публицистике образы Японии, японцев предстают как непонятные, часто наполняясь комическим содержанием: *«Под головой макура – подушка, набитая гречневой крупой: говорят, полезно. Дней десять поспав на полу и поев бог знает чего палочками, глядишь с вожделем: отварить бы прямо в наволочке и – с маслицем ложкой из-за голенища»* (П. Вайль. «Гений места»).

На страницах художественных произведений, повествующих о русско-японских военных конфликтах, мы можем обнаружить еще один компонент в репрезентации Японии – это ее милитаристический образ или образ врага. Он

формируется на основе изображения Японии, прежде всего, как безликого, резко отрицательного враждебного государства, олицетворяющего собою смерть. В основе создания образа врага в описании японцев используются лексемы *макаки*, *мартышки*, *косоглазые черти* и др., обозначающие нечеловеческие свойства противника. Этнические и внешние особенности его представителей гиперболизированы в образе животных. В результате функционирования лексемы *макаки* в качестве номинации японцев появляется этнический инвектив «*макаки, кое-каки*». Он получил широкое распространение и часто встречается в номинации японцев и в литературных произведениях, например: «*Эта бесшабашная сволочь, эти анархисты в мундирах сановников, – вот! – затеяли войну. Японцы бьют нас, как мальчишек, а они шутки шутят, шуточки! Макаки, кое-каки и прочее...*» (М. Горький. «Савва Морозов»).

По отношению к японцам использовались уничижительные этнические номинации *япошки*, *самураи*. Особый негативизм к враждебной расе выражен в номинациях, в основе которых лежит пренебрежительное отношение к физическим и внешним отличиям японцев от русских таким как: желтый цвет кожи (*желтолицые*, *желтая раса*); небольшой рост; раскосый разрез глаз (*косоглазые*, *узкоглазые*).

За время двух войн между Россией и Японией лексема *самурай(и)* претерпела ряд изменений в своем лексическом составе. Данная лексема служит средством обозначения японца (этнической номинацией) в песне «Три танкиста» (автор Б. Ласкин), отразившей настроения советского общества периода советско-японских вооруженных конфликтов конца 1930-х гг.: «*В эту ночь решили самураи / Перейти границу у реки*». В то время она была хорошо знакома адресату и актуализировала сразу три негативно воспринимаемых аспекта образа врага: принадлежность к другой национальности, принадлежность к чуждому классу и природную агрессивность противника.

В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова в толковании лексемы *самурай*, помимо прямого значения сословной принадлежности, содержится переносный оттенок значения: обозначение части вражеского народа по отношению к русскому (с пометой презрительное). Слово *самурай* в переносном значении в 30-40-е гг. XX в. было неологизмом, о чем свидетельствует помета *нов.* (новое): «САМУРАЙ, я, м. [японск. samurai – стражник, рыцарь]. Член привилегированной феодальной военной касты Японии (истор.). // преимущ. мн. Название, данное советским народом японской военщине, осуществляющей политику империалистических захватов (нов. презрит.) – *Мы умеем воевать. Не позволим самураям нашу травушку топтать.* Алымов» [Толковый словарь русского языка 1996, т. 4, стб. 45]. Сходным образом объясняется переносное значение слова *самурай* и в других толковых словарях, например в «Словаре русского языка» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой (МАС): «*Разг. пренебр.* В настоящее время употребляется для обозначения агрессивной части японской военщины» [Словарь русского языка 1999, т. 4, с. 25].

За время двух войн между Россией и Японией лексема *самурай(и)* приобрела новое, дополнительное уже к имеющемуся («военное сословие

японских дворян») значение – «японская военщина», содержащее несколько элементов коннотации: эмоциональность (пренебрежительный, презрительный компонент значения), отрицательную оценочность, сниженную стилистическую окраску. Примеры употребления слова в этом значении можем видеть в текстах 30-40-х гг. XX в.: «*И летели наземь самураи, / Под напором стали и огня*» (Б. Ласкин. «Три танкиста»); «*Самурай, не жди пощады, / Ждет тебя суровый суд – / Наши пули и снаряды / Смерть захватчикам несут!*» (С. Алымов. «Бой у озера Хасан»).

В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» (отв. ред. Н.Ю. Шведова) у слова *самурай* в переносном значении такие элементы коннотации, как эмоциональность и оценочность, отсутствуют: «Вообще о японских военных (разг.)» [Толковый словарь русского языка с включением сведений... 2007, с. 854]. Кроме отсутствия соответствующих помет (пренебрежительное, презрительное), в словарной дефиниции этого словаря слово *военщина*, само по себе содержащее отрицательно оценочную сему и пренебрежительное, презрительное отношение, заменено на слово *военные*.

К концу XX в. негативный заряд значения лексемы *самураи* заметно ослабел. В последние годы наблюдается еще более нейтральное употребление данной лексемы, функционирующей в русском языке в качестве этнической номинации – «японцы». Примером может служить стихотворение Л.А. Рубальской «Самурай»: «*Три часа самолет над тайгой летит, / У окошка японец сидит и глядит. / И не может, не может понять самурай – / Это что за огромный, неведомый край? <...> Самурай, самурай, я тебе помогу, / Наливай, самурай, будем пить за тайгу. / Про загадочный край / Я тебе расскажу. / Наливай, самурай, / Я еще закажу*» (Л.А. Рубальская. «Самурай»).

Японское коммуникативное поведение, сильно отличающееся от русского своим пристрастием к церемониям, условностям, оказывает влияние на формирование образа *Японии* в русском лингвокультурном сознании как таинственной, непонятной, экзотической страны. Особенности коммуникативного поведения японцев малодоступны пониманию европейцев. Свой устный язык японцы довели до уровня абстрактного искусства. Вежливость речи у японцев ценится выше ее доходчивости, нюансы этикета – важнее тонкостей синтаксиса и грамматики. Излишняя склонность японцев к ритуалам и церемониям еще в середине XIX века удивляла и даже возмущала первых западных наблюдателей. Кто-то видел в этом признак «лживости», кто-то – отсталости. Один из первых русских путешественников, посетивших Японию того времени, И.А. Гончаров в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”», рассказывая о своем пребывании в Японии, обращает внимание на то, что отличает коммуникативное поведение русских от японцев. «*Ох, уж эти мне эмблемы да символы!*» – негодует автор, повествуя об обеде у японских вельмож (И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»). Нагнетание символики и церемониальность общения, характерные для светского типа коммуникации, в русской культуре ассоциируются, прежде всего, с неискренностью и формализмом. Светское общение – это строго нормированный вид

коммуникации, предполагающий строгое соблюдение этикета, такта, норм вежливости. Представителям же русской лингвокультурной общности в большей мере свойственна манера говорить и поступать без соблюдения строгих норм этикета.

Излишняя церемониальность, свойственная светскому общению, русскими людьми воспринимается негативно, ассоциируется с поддельностью и лживостью. Об этом говорит выражение из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля: «Не терплю я этих церемонников, люблю прямиков» [Даль, т. 4, с. 573]. В русском языке одно из значений глагола *церемониться*, *церемонничать* – «соблюдать одну внешнюю, ложную и притворную, светскую вежливость» [Там же]. Лексема *церемония* в своей эволюции значений в полной мере отразила отношение представителей русского языкового коллектива к подобного рода особенностям общения. Анализ значений данной лексемы в различных словарях («Словарь церковнославянского и русского языка» (1847), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, современные толковые словари) показал что, изначально рассматриваемая лексема функционировала в языке и выполняла свою прямую функцию – обозначала «установленный порядок совершения какого-нибудь обряда, торжества; обряд, торжество, проводимые в строгом порядке» [Словарь современного русского литературного языка 1965, т. 17, стб. 663], но со временем расширила свое значение на основе метафорического переноса, и в парадигме значений появился новый лексико-семантический вариант, отражающий отношение русского народа к самому понятию «церемония»: «О чем-н., совершающемся медлительно, с соблюдением каких-н. затрудняющих подробностей (разг. ирон.); «Разг. Обычно *шутл.* О каком-нибудь действии, длительном или совершаемом методически; Условности в поведении, свойственные церемонному человеку; поведение церемонного человека» [Там же, стб. 663-664]; «Принужденность, стеснение в поступках, обращении (разг.)» [Толковый словарь русского языка с включением сведений... 2007, с. 1079]. Отношение русского народа к церемониям, их неприятие показывает и стилистически сниженный шутливый, ироничный фразеологизм *китайские церемонии*, употребляющийся в значении «чрезмерная вежливость, излишние условности в отношениях между людьми» [Фразеологический словарь... 1997, т. 2, с. 359]. Очень точно значение этого фразеологизма отражено в «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной: «**Китайские церемонии.** Разг. Шутл.-ирон. Утомительные и ненужные условности; излишнее проявление вежливости; бессмысленный этикет» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 727]. Такая формулировка фразеологического значения включает все элементы коннотации: эмоциональность, оценочность, экспрессивность, стилистическую окраску, национально-культурный компонент. Несмотря на то, что в составе фразеологизма употребляется этнонимическое прилагательное *китайские*, а не *японские*, данная фразема может использоваться для характеристики и оценки проявлений этикета и в целом коммуникативного поведения не только китайцев, но и японцев, тем более что в русском языковом сознании данные этнонимические прилагательные тесно связаны между собой: по данным «Русского ассоциативного словаря», слово *китайский* является одной из реакций на стимул *японский* [Русский

ассоциативный... 2002, т. 1, с. 746], а слово *японский* – на стимул *китайский* [Там же, с. 253].

В современном коммуникативном поведении японцев церемонии играют не менее важную роль, чем в XIX веке. Например, Вс. Овчинников в своем произведении «Ветка сакуры», описывая современную Японию, подчеркивает, что чрезмерная вежливость японцев заметно отягощает процесс общения: *«Вежливость японцев подобна смирительной рубашке, стесняющей словесное общение между людьми»* (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры»); *«Ничто так не гипнотизирует в этой стране на первых порах, как экзотическая учтивость. В разговорах все поддакивают друг другу, при встречах отвечивают **церемоннейшие поклоны**, уместные, казалось бы, лишь в исторических фильмах да на театральной сцене»* (Там же). В описании Вс. Овчинникова, как и у И.А. Гончарова, подчеркнута чуждая русскому коммуникативному поведению церемониальность японцев. В современном русском лингвокультурном коллективе стандартное общение японцев выглядит как экзотическое (*экзотическая учтивость*) или как пережиток прошлого (*«церемоннейшие поклоны, уместные, казалось бы, лишь в исторических фильмах да на театральной сцене»*). Показательно использование прилагательного в превосходной степени (*церемоннейшие*) и сравнение вежливости японцев со смирительной рубашкой, мешающей словесному общению между коммуникантами.

Нагнетание символики и атрибутики «светскости» в общении не дает возможности перейти не только к «разговору по душам», характерному для русского коммуникативного поведения, но и к основной теме разговора, сохраняет дистанцию между коммуникантами. В этом отношении показателена реакция представителя русского лингвокультурного коллектива, вызываемая данной особенностью коммуникативного поведения японца:

*«– Да говорите же, черт бы вас п-побрал! Не тяните! – взорвался, наконец, и Фандорин, но тут же пожалел о своей вспышке – губы несносного японца дрогнули в едва заметной усмешке: мол, я знал, что ты того же поля ягода, только **притворяешься воспитанным человеком**.*

– Говорю. Не тяну. – Вежливый наклон головы <...>» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»).

В русском общении действует принцип бескомпромиссности. Вопрос часто ставится так: за или против, ты за меня или против меня, все или ничего. Японцы же в процессе общения стремятся обходить «острые камни» и при решении каких-либо вопросов стараются не задеть самолюбия собеседника: *«Возникла пауза. Титулярный советник думал, **не спросить ли напрямую**: “Что это вы на меня все волком смотрите?” Но с точки зрения японского этикета **это, вероятно, будет чудовищной невежливостью**»* (Б. Акунин. «Алмазная колесница»).

Русские намного эмоциональнее японцев в выражении чувств и переживаний. Реакция японцев на проигрыш в азартной игре, описанная Б. Акуниным в «Алмазной колеснице», демонстрирует эти явные различия: *«Удивительно было то, что **результат игры не вызывал у сидящих вокруг стола никаких эмоций. У нас выигравшие разразились бы радостными***

матюгами, а проигравшие – тоже матюгами, но свирепыми. Эти же молча разобрали деньги, большая часть которых досталась горбуну, и принялись потягивать из чашечек какую-то мутноватую жидкость» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»).

Различные нормы этикета у русских и японцев вызывают негодование русских и создают недопонимания и проблемы в общении между представителями двух этносов. К примеру, для японцев сидеть на полу и вести диалог – это норма, а в сознании русских – это неприемлемо: *«Вы там в Европе хлопчете в эту минуту о том, быть или не быть»* (здесь и далее курсив автора. – В.К.), *а мы целые дни бились над вопросами: сидеть или не сидеть, стоять или не стоять»* (И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»).

Наблюдения за различиями коммуникативного поведения японцев и русских, которые нашли свое отражение в литературных произведениях и публицистике, позволяют сделать выводы о различиях в коммуникативном сознании двух народов. На основе этих различий формируется образ Японии в русском лингвокультурном сознании. Такие отличительные черты в коммуникации японцев, как *склонность к формальностям и сдержанность* в выражении эмоций, *церемониальность* японского коммуникативного поведения, *стремление прийти к компромиссу* и *медленный темп решения задач*, поставленных в процессе коммуникации, воспринимаются носителями русского языка достаточно негативно, как проявление поддельности и лживости японских коммуникантов.

В заключении подводятся основные итоги исследования, формулируются выводы, полученные в результате лингвоималогического анализа *образа Японии и японца*, намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы, связанные с расширением кросс-культурного контекста и привлечением материалов исследования образов других этносов в русской языковой картине мира.

Основное содержание и результаты исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи из перечня ведущих научных журналов и изданий ВАК РФ:

1. *Казанцева, В.А.* Коммуникативное поведение японцев глазами И.А. Гончарова / В.А. Казанцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – №1. – С. 14–17.

2. *Казанцева, В.А.* Япония и японцы в зеркале русской фразеологии / Е.А. Попова, В.А. Казанцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 58–60.

3. *Казанцева, В.А.* Образ Японии и особенности коммуникативного поведения японцев в русской лингвокультуре (на материале русской художественной литературы и публицистики) / В.А. Казанцева, Е.А. Попова // ФИЛОLOGOS. – 2018. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Выпуск 1(36). – С. 37–44.

4. *Казанцева, В.А.* Роль стереотипов в формировании образа Японии в русской языковой картине мира / Е.А. Попова, В.А. Казанцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 42–45.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях и журналах:

5. *Казанцева, В.А.* Лингвистическая имагология как новая дисциплина науки о языке / В.А. Казанцева // Наука глазами молодых: сборник научных работ молодых ученых. – Липецк: ЛГПУ, 2015. – Вып. 2. – С. 70–75.

6. *Казанцева, В.А.* Образ Японии в русской миссионерской литературе 2-й половины XIX – начала XX вв. (на материале «Дневников» архиепископа Николая Японского) / В.А. Казанцева // «“Любовью и единением спасемся”» (Преподобный Сергей Радонежский)» / Под ред. Н.Я. Безбородовой, Н.В. Стюфляевой: Материалы X Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». (5-6 декабря 2014 г.; г. Липецк – Задонск). – Липецк: Типография "Липецк-Плюс", 2015. – С. 180–182.

7. *Казанцева, В.А.* Образ Японии в произведениях русской литературы / Е.А. Попова, В.А. Казанцева // Малая Родина – большая литература: проблемы развития современной филологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 22-23 апреля 2015 года. – Липецк: ГАУДПО ЛО «ИРО», 2015. – С. 56-62.

8. *Казанцева, В.А.* Россия и Япония. Формирование образа врага в песенном творчестве советских авторов первой половины XX века / В.А. Казанцева // «... где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17): материалы XI Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». (11-12 декабря 2015 г.; г. Липецк-Задонск)/ Под ред. Н.Я. Безбородовой, Н.В. Стюфляевой (отв. редактор). – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 107–109.

9. *Казанцева, В.А.* Фразеологизмы с этнонимическим компонентом «японский» в русском языке / В.А. Казанцева // Первые Щеулинские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 25 марта 2016 года). – Липецк: ЛГПУ, 2016. – Часть 1. – С. 92–98.

10. *Казанцева, В.А.* Особенности коммуникативного поведения японцев и их отражение в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова / В.А. Казанцева // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия: Сборник научных статей по итогам XV Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции (15 – 16 ноября 2016 г., Липецк). – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. – С. 217–222.

11. *Казанцева, В.А.* Япония и японцы в зеркале русского языка / Е.А. Попова, В.А. Казанцева // Материалы региональной школы молодых ученых по филологическим наукам «Philologos». 26-27 мая 2016 г. – Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2016. – С. 18-22.

12. *Казанцева, В.А.* Образ Японии в языковом сознании современных носителей русского языка (по данным направленного ассоциативного эксперимента) / В.А. Казанцева, Е.А. Попова // «Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон – Валаам – Задонск – Оптина Пустынь – Соловки)». Материалы XIV Международного форума. Под редакцией Н.Я. Безбородовой, Н.В. Стюфляевой. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 141–143.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Печ.л. 1,0 Уч.-изд.л. 1,0
Тираж 100 экз. Заказ 76

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1